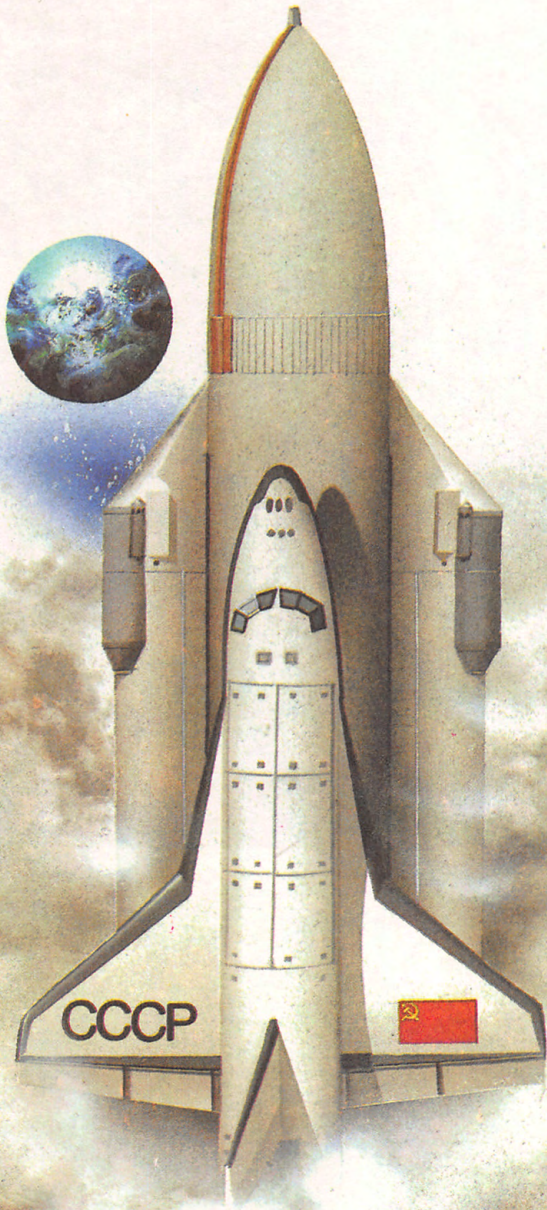

ISSN 0132-2036

ЮНОСТЬ

4 '89

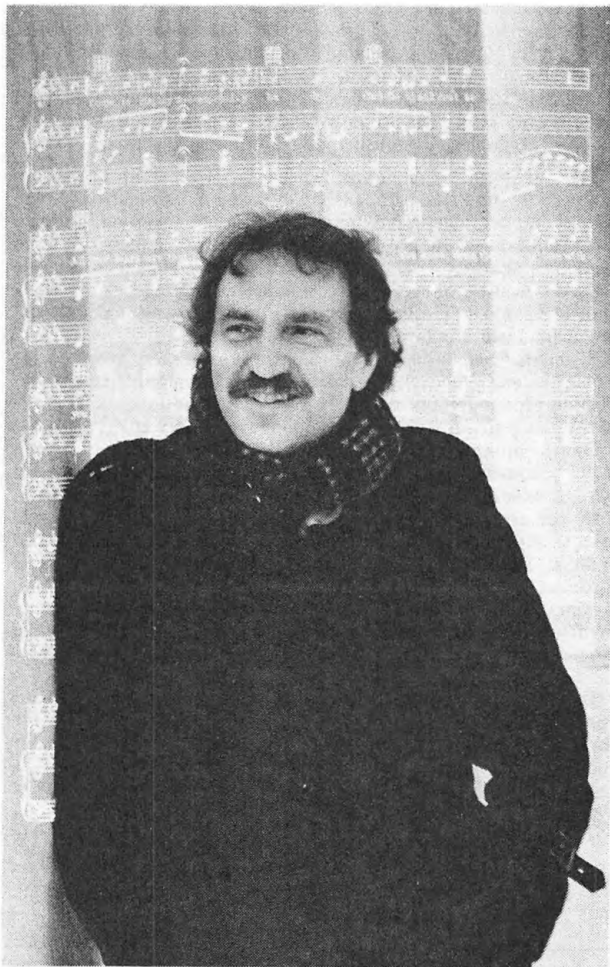

В конце ноября 1988 года в Филадельфии (США) проходила международная встреча молодежи двух стран, организованная КМО СССР. 180 молодых советских специалистов в различных областях науки и культуры впервые сели за стол переговоров с американскими коллегами. В заседаниях комиссии средств массовой информации принимала участие и корреспондент «Юности» Анна Пугач.

С американской стороны на встрече были журналисты из «Вашингтон пост», «Филадельфия энквайрер», «Чикаго трибюн», агентства Ассошиэйтед Пресс. Репортеры подробно расспрашивали о традициях журнала (обновляется он или предпочитает консервативную форму подачи материала) и, конечно же, о писателях, когда-то открытых «Юностью». Зашел разговор и о Василии Аксенове — в свое время популярном авторе журнала, ныне проживающем в США.

Предлагаем вашему вниманию запись встречи нашего корреспондента с Василием Павловичем Аксеновым.

ВАСИЛИЙ АКСЕНОВ: «Я, ПО СУТИ ДЕЛА, НЕ ЭМИГРАНТ...»

Разыскать вашингтонский телефон Аксенова было не самым трудным делом. Сложнее было ему позвонить. Я не знала, как представиться. В то время, когда слухи о его скором отъезде поползли по Москве, я была студенткой университета и только начинала работать в «Юности», поэтому познакомиться с маститым автором журнала не успела. От побывавших за рубежом наших соотечественников знала, что Аксенов представителей прессы не жалует, интервью не дает да и вообще к подобным встречам не стремится. И все же, приехав в Вашингтон и мысленно подготовив себя ко всем проявлениям «особенностей аксеновского характера», я решила набрать номер, представилась сотрудником «Юности»...

После короткой паузы: «В каком отеле вы остановились? — знакомый по выступлениям чуть хрипловатый голос Аксенова. — Через час я могу к вам приехать». Итак, первый стереотип о некоммуникабельности писателя сломлен.

Сижу в холле гостиницы, пытаюсь составить вопросы, вспоминаю все, что читала и знала о творчестве Аксенова.

Первый главный редактор «Юности» Валентин Катаев когда-то заметил, что после публикации в 60-е годы повестей А. Гладиллина и В. Аксенова «тираж журнала пополз вверх, как температура у гриппозного больного».

1960 год. 27-летний врач одной из московских больниц присылает в «Юность» свою первую повесть «Коллеги». С этого же года и вплоть до отъезда за границу в 1979 году критика не прекращает яростных споров вокруг прозы Аксенова, его творческой манеры.

11 октября 1961 года. «Вечерняя Москва».

Среди молодых, только что принятых членов Союза писателей — В. Аксенов, автор повестей из жизни современной советской молодежи: «Коллеги», «Звездный билет».

Василий Аксенов начинает определять ситуацию в молодежной «исповедальной» прозе. Вместе с ним в журнал приходит целая плеяда молодых, ярких, талантливых людей, по-новому рассказывающих о себе, своей жизни, своих ровесниках.

«С повести Аксенова все же начинается большой разговор, выделивший «молодежную тему» как бы в особую линию в литературе, и журнал «Юность» приобретает физиономию, отличную от других журналов», — писал в одной из полемических статей критик А. Макаров. Точкой отсчета при размежевании печатных органов и читательских симпатий становится отношение к «молодежной прозе».

Романтики, приверженные идеалам своих родителей, молодые писатели называли себя детьми XX стезда. Их «звездные мальчики» приходили на страницы книг из жизни, мучительно искали себя, уезжали в тайгу, уходили с геологами, отправлялись в дальние плаванья. «Звездный билет», «Апельсины из Марокко» «Затоваренная бочкотара», — на этих книгах Аксенова выросло целое поколение тех самых «шестидесятников», которое и сегодня на своих плечах вытягивает перестройку. Не случайно физики и лирики, кому давно за сорок, с ностальгически-горьким привкусом вспоминают ту эпоху, породившую своих кумиров, одним из которых был В. Аксенов.

Из хроники:

1962 год, Ю. Белаш: «В. Аксенов — несомненный лидер четвертого поколения».

1963 год, журнал «Пограничник». Вас. Захарченко. «Борьба с абстракционизмом и другими видами буржуазного проникновения в нашу идеологию»: «В. Аксенов в «Звездном билете» и «Апельсинах из Марокко» романтизирует безвольных молодых людей».

1963 год, пленум правления Союза писателей СССР. В. Аксенов подвергается критике за безыдейную повесть «Апельсины из Марокко».

1963 год, «Правда». В. Аксенов: «Я мечтаю создать такого героя, который был бы настоящим сыном своего времени. Мне надо еще многое увидеть, многое передумать, многому научиться».

1963 год, «Юность». Ф. Кузнецов: «Первые произведения молодых в ответ недругам, придумавшим конфликт «отцов и детей» в советской литературе, утверждали преемственность революционной традиции отцов».

1968 год, «Октябрь». А. Ланциков: «...Характеры — самое узкое место писателя. Аксенову совершенно неподвластна логика человеческих характеров... Так даже средней руки мастер никогда бы не стал писать». «...Не зная реальной жизни народа, не ведая истории своей Родины, даже игнорируя то и другое, авторы исповедальной литературы высказали ряд очень незрелых и неглубоких, но зато «своих» мыслей». «...Рассказ «Дикой» особенно отчетливо демонстрирует беспомощность Аксенова как художника».

1977 год, «Литературная газета». В. Аксенов: «Стать личностью — вот идеал, к которому должен идти человек, и особенно в молодые годы».

1977 год, «Наш современник». В. Сахаров объявляет творческий опыт Аксенова нежизнеспособным.

1978 год, «Литературная учеба». Г. Белая: «Книги Аксенова поразили тем, как широко и свободно вобрали они в себя городскую разговорную речь, даже то, что еще несколько лет назад казалось лежащим за пределами литературы, вплоть до жаргонных ходовых словечек».

1978 год, «Литературное обозрение». Е. Евтушенко о новом романе «В поисках жанра»: «Аксенов не застрял в собственной юности,

красота языка то романтически-возвышенная, то иронически-убийственная... От повести дышит нечаянностью чуда».

1978 год, «Литературное обозрение». Редакционное заключение по поводу романа «В поисках жанра»: «Со многими замечаниями критика (Л. Аннинского), в том числе с основным упреком — в «дисконтактности главного героя с окружающим миром», с призывом к большей «социальной чуткости», трудно не согласиться».

1978 год, «Литературная учеба». С. Чупринин: «Молодые сейчас явно предпочитают не ввязываться в бой «за место под солнцем», а поуютнее обживаться в заранее (и не ими) подготовленных ачейках, не создавать, рискуя своей репутацией, поэтическую «погоду на завтра», а приравниваться к сегодняшней, какой бы она ни казалась; ...не заявлять о себе как о первопроходцах, колумбах, а мирно пристраиваться в хвосте уже существующих, апробированных шеренг и «обойм»...»

— Вы еще не видели город? Если у вас есть время, с удовольствием покажу.

Так началась наша встреча.

И мы отправились по главной 15-километровой автостраде Вашингтона, пересекающей его с запада на восток, — Пенсильвания-авеню. По той самой улице, по которой новый президент в день инаугурации проедет к западному входу Капитолия.

— Это как бы наша Горького-стрит, — начал объяснять Василий Павлович. — Только там сейчас, наверное, людей больше... Вы знаете, что произошло в Армении? Я сейчас слушал радио, где-то около 50 тысяч погибших. Но это еще не точная цифра. Как все это ужасно... Горбачев вылетел в Москву...

Из этого обрывочного дорожного разговора было понятно, что живет русский писатель нашими же проблемами, привычно вникая во все происходящее. По дороге мы заехали в книжный магазин «Kramer books», там же находится и писательское кафе, «что-то вроде нашего Дома литераторов», — поясняет Аксенов, — только я сюда редко захожу... На специальной именной полке, где выставляются произведения писателя, роман «Ожог», переведенный на английский язык. Остальные книги распроданы.

— У вас есть здесь свои читатели? Когда-то в интервью «Литературной газете» вы говорили, что писателю необходимо видеть своего гипотетического собеседника.

— У меня небольшая читательская аудитория. Я не говорю по русскую интеллигенцию, которая здесь есть. Они-то читают. А среди американцев это небольшой цивилизованный круг, с таким международным проявлением, что ли. Надо сказать, здесь вообще меньше интеллигенции в русском понимании. И потом — колоссальный отрыв... Вот чего я себе не представлял, что Россия так далека. Здесь, может быть, Китай даже ближе. Хотя вон сколько выходит из России. Сейчас, правда, все меняется, и не без помощи новой иммиграции. Мы очень многое тут изменили в отношении к России, оживили представление о ней. Студенты читают немало современной русской литературы, где-то достают. Недавно увидел у них роман «Пора, мой друг, пора».

— Это, наверное, ваши студенты? Вы ведь преподаете в университете?

— Да, я как бы почетный профессор в университете Джордж Мейсон в Вашингтоне, по русской литературе и творческому письму, то есть по писательским делам. У меня две группы студентов, где-то по 25 человек. Кафедр славистики здесь в отличие от некоторых университетов очень маленькая, но я надеюсь, что мне удастся их немного расширить, поскольку я сейчас занимаю особую позицию.

— Кстати, о позиции, она у вас действительно особая по отношению к нашей стране и к своим друзьям-ровесникам. В прошлом году многие советские писатели, побывавшие на Луизианской встрече в Дании, остались разочарованы вашим выступлением и тем, как холодно, отчужденно вы держались.

— Почему разочарованы? Я что, должен был бросаться им на шею?! Я вел себя очень сдержанно.

— Да, это все отметили.

— Ну что же, у меня есть на то основания. К новому поколению я отношусь иначе, а к своему, простите, не очень хорошо. И это, к сожалению, открытие самого последнего года. Именно гласность открыла мне глаза, и я узнал очень много разочаровывающего.

— А поехали вы на встречу в Луизиану, уже понимая степень разочарования, или хотелось проверить свои впечатления?

— Послал, во-первых, потому что датчане пригласили, потом, конечно, было интересно — посмотреть на всех... Мы здесь в течение первых трех-четырех лет в такой глухой

изоляции жили, что сейчас, когда люди из Союза стали появляться, это как призраки.

— И все же странно, почему ваш круг оказался разомкнутым, нам, из «другого поколения», хотелось бы понять, что произошло, почему начинавшие когда-то вместе единомышленники сейчас, в разгар обнадеживающих перемен в нашей общественной жизни, оказались по разную сторону границы, и не только географических.

— Скажите, а вы читали журнал «Крокодил»? Вы знаете, что там про меня писали? Совсем недавно там публиковались читательские письма такого рода — надо его привязать к позорному столбу и всем народом плевать ему в лицо. То есть мне. Неужели вы всего этого не читали? Фан-тас-тика! Вы уже третий человек из Союза, который ничего не знает об этой публикации. Думаю, это еще раз показывает степень равнодушия интеллигенции к судьбе **своего** писателя... Никто, ни один из моих друзей, даже слова не сказал в защиту. Никто, нигде, хотя это сейчас совсем не опасно.

— А как вы сами это объясняете? Насколько я знаю, среди ваших друзей много людей отважных, в разные годы сумевших противостоять своим творчеством официально процветающей серости и безличности?

— Да нет, я ни к кому никакого счета не предъявляю, знаю, что говорили моим друзьям: «Он-то вот сорвался на Запад, живет себе в комфорте, а вам тут жить, печататься...» Потом у вас, по-моему, как-то преувеличивают мое политическое значение. Изображают вождем какой-то группы, какого-то направления, этаким свирепым антисоветчиком. Это абсолютно немыслимое преувеличение. Например, я читаю в «Молодой гвардии» беседу маршала авиации с И. Шевцовым и узнаю, что за границей действует банда «Аксенов и другие» — это же бред. Я очень далек от всяких политических дел. Здесь есть определенное движение, есть люди, которые этим занимаются, но не я, я этим не занимаюсь, мне это неинтересно. Я занимаюсь своей преподавательской работой и, в основном, писанием романов, на это-то не хватает времени. Правда, с конца августа прошлого года я стал замечать нейтральное упоминание своего имени в советской печати, без эпитетов. Видимо, отношение ко мне немного изменилось — слава богу. Но это, наверное, еще очень далеко от того, чтобы напечатать мои вещи. У меня очень много было написано до отъезда.

— Ну, что же, времена меняются, когда-то Евгения Гинзбург принесла в «Юность» роман «Крутой маршрут», несмотря на то, что надежд на публикацию не было никаких. И вот через двадцать лет выходит 9-й номер «Юности»...

— Да, я видел публикацию мамы в «Юности», в журнале «Даугава», но вот появляется рецензия на этот роман в «Московских новостях», говорится обо всех — о моем отце Павле Васильевиче, о моем брате Алексее, о сестре, о внуке, то есть моем сыне Алексее, все упоминаются, кроме... кроме маминого сына. Ничего, ни слова...

— Василий Павлович, может, все-таки обидой и раздражением объясняются многие ваши выступления по радио, в печати, часто несправедливые, с резкими выпадами против всех нас, поверивших наконец-то в реальность возвращения утраченных в последние годы ценностей. Не с поисков ли идеалов началось ваше расхождение с временем в 70-е годы? А теперь? Как сокрушительно-разочаровывающе подействовала на молодых людей (к которым вы относитесь иначе) ваша подпись под письмом десяти: «Пусть Горбачев предоставит нам доказательства», опубликованном во французской «Фигаро» и перепечатанном у нас.

— Странно, почему вдруг такую реакцию вызвало именно это письмо? Можно было еще десяток, два, три аналогичных письма найти. Я таких писем подписывал за свою эмигрантскую жизнь много.

— Да потому, что это письмо совпало с долгожданным для всех нас периодом возрождения страны.

— Вы знаете, в этом письме нет ни одного слова неправды, там все правда, другое дело, что я не был его активным участником. Я просто подписал. Тогда, два года назад, письмо вызвало переполох, но за это время многое изменилось в стране, и многие наши пожелания уже воплотились в жизнь, так что письмо тоже было перестроечным.

— Вы думали о возвращении на Родину?

— Пока об этом рано говорить. Я лишен советского гражданства. Нас здесь человек тридцать таких. Понимаете, это было сделано в 1979 году, вопреки всем международным нормам. Человека можно лишить прав, но не страны, где он родился. Скажем, в Америке меня могут лишить граждан-

ства, поскольку я получил его впоследствии, но невозможно лишить гражданства ни одного американца, что бы он ни совершил. Я, по сути дела, не эмигрант и не беженец даже, а просто высланный.

— Где-то с начала 70-х годов ваше имя все реже и реже стало появляться в периодике, из книг — только повесть о соратнике Ленина Л. Красине «Любовь к электричеству» в серии «Пламенные революционеры» (кстати, удивительно, что многие писатели, впоследствии оказавшиеся оторванными от Родины, приняли участие в создании книг этой серии), хотя было известно, что вы много работаете, занимаетесь переводами...

— Мне всегда было довольно трудно печататься, а в 70-е годы это стало практически невозможно. Жил тем, что писал сценарии для театра, кино. Но и там не все удавалось... Фильм по одному из моих лучших сценариев «Q, этот выноша летучий...» на материале русских анонимных сатирических повестей XVII века (повести о Шемякином суде, о Фроле Скобееве и др.) так и не появился, кто-то что-то там усмотрел не то.

— Да, но после затяжного молчания в 1978 году в «Новом мире» публикуется ваш экспериментальный роман «В поисках жанра». И хотя время было уже совсем не романтическое, ваш герой — артист оригинального эстрадного жанра — отправляется на своем старом «жигуленке» колесить по земле в поисках чуда. Не случайно тогда Евгений Евтушенко назвал рецензию на ваш роман «Необходимость чудес». Значит, чудеса происходили даже в те грустные времена?

— Вы не знаете предыстории этой публикации. Я был в Париже в 1977 году, когда мне позвонила жена и сказала, что уже одобренный и набранный в «Новом мире» роман «зарублен» по непонятным причинам, выброшен из набора. Я пришел в жуткое бешенство, позвонил представителю «Голоса Америки» и дал интервью. Я сказал, что мне это все уже надоело и если не восстановят «В поисках жанра», я приму соответствующее решение. Затем я дал телеграмму в Союз писателей и в «Новый мир» из Парижа: «Требую восстановления рукописи». Роман восстановили, но мне этого не смогли простить. Один из руководителей Союза писателей так потом и сказал: «Вы нас за горло берете, и не в первый раз. Мы вам этого не простим». По сути дела, это была моя последняя публикация. Да, в «Неделе» еще был напечатан рассказ «Памяти Красаскаса» — и все. После довольно долгого трепыхания на поверхности я понял, что все двери захлопнулись и мне ничего не светит. Я к тому времени еще из Союза писателей вышел, то есть оказался вне всякой организации.

— Насколько я знаю, вас не исключали из Союза, это была добровольная акция?

— Я отправил свой членский билет по почте в Союз писателей в знак протеста после того, как Секретариат Правления СП РСФСР отозвал свое решение о приеме в члены Союза писателей молодых талантливых литераторов Евгения Попова и Виктора Ерофеева¹ — участников альманаха «Метрополь». Так же поступили писатели Инна Лисянская и Семен Липкин.

— Вы один из организаторов этого рукописного журнала, может быть, расскажете подробнее о «Метрополе», десятилетие которого сегодня отмечается уже официально. Тем более что история с альманахом была, по моему, завершающей в вашем длительном мировоззренческом споре с теми, кто еще вчера вершил судьбами нашей культуры?

— Я считаю создание «Метрополя» одним из самых ярких событий в советской литературе 70-х годов. В нем участвовали: Б. Ахмадулина, Ю. Алешковский, А. Битов, Ф. Искандер, В. Высоцкий, уже названные мною Е. Попов и В. Ерофеев; более двадцати талантливых литераторов, разных по своим эстетическим принципам, стилистической манере письма, но объединенных желанием бросить вызов царящей тогда серости и тоске. Более мрачного времени, чем 1978 год, трудно себе представить, и вдруг возникает такой яркий литературный союз, вдохновляемый общей идеей. Это был клуб литературного маскарада, озорства, вдохновения. И главное — ощущение единства вопреки всему. Мы чувствовали, что тучи сгущаются, но никто не ожидал, что поднимется такой шум и у нас в стране, и за

рубежом. Нам пытались инкриминировать связи с подрывными центрами, называли пособниками спецслужб и т. д. Литературные круги Запада, наблюдая такое развитие событий, тоже очень возбудились. К моему удивлению, «Метрополь» здесь, за границей, известен до сих пор, несмотря на общую литературную пресыщенность.

Для справки: газета «Московский литератор», 1979 год, 23 февраля. «20 февраля состоялось совещание Московской писательской организации, на котором члены СП, знакомившиеся с материалами, представленными в машинописном альманахе «Метрополь», рассказали о своих впечатлениях и выводах. С материалом альманаха ознакомились более 100 писателей. Подводя итоги, первый секретарь Московской организации СП РСФСР Феликс Кузнецов сказал: «Все писатели сошлись в одном: крайне низкий художественный уровень большинства материалов сборника с полной очевидностью убеждает, что его организаторы, по-видимому, и не помышляли о литературных целях. Они ставили перед собой совершенно иные, далекие от литературы, искусства и нравственности задачи»¹.

— Ну, а как развивались события после Московского совещания?

— Шуму еще хватило надолго, наш товарищеский союз, конечно, распался под давлением бюрократического аппарата, как в поговорке «на что старая ведьма ни глянет — все вянет». Через какое-то время Феликс Кузнецов дал мне понять, что ждать больше нечего: «Твой отъезд устроил бы всех»². Подобный совет из уст руководителя Московской писательской организации звучал как уже согласованное и санкционированное руководство к действию. В тот же день я позвонил знакомому профессору Калифорнийского университета и попросил прислать приглашение. Довольно скоро я его получил по почте и выехал вместе с женой в гости на полгода.

— Мне вспоминаются споры, происходившие тогда в московской студенческой среде. Одни считали, что вы всю историю с «Метрополем» затеяли специально, чтобы уехать, другие надеялись, что вы все же вернетесь...

— Мы уезжали в полной растерянности, было ощущение, что нас выпроваживают навсегда. Поэтому как дальше действовать, что делать — не знали. Три месяца мы были во Франции, Италии, просто бродили по миру, еще не зная, куда ехать. Денег было очень мало. Потом пришло приглашение на временную работу в университет Южной Калифорнии. Так мы оказались в Америке. Спустя два месяца после принятого постановления в Ведомостях Верховного Совета СССР я прочел указ о лишении меня гражданства за подписью Брежнева и Георгадзе, т. е. два месяца об этом не сообщали ничего. Вслед за мной так же отправили В. Войновича и Л. Копелева, лишив их потом гражданства.

— Почему вы избрали местом жительства США? Вам тут хорошо работается?

— Да, я уже свыкся с этой страной, в Европу съехать поздно, романо-германские языки я не очень хорошо знаю. В течение года я работал по приглашению института Кеннона в Вашингтоне, нам понравилось в столице, и мы решили остаться здесь жить. Нью-Йорк я не полюбил, а здесь мне действительно хорошо работается. Я отношусь к этой стране, как к дому, не как к Родине, вы это поймите, а как к дому. Мне здесь дали приют, не ощущение покоя, но ощущение дома. Я не чувствую себя белой вороной, поскольку тут таких, как я, — миллионы — различных беженцев со всего мира. Посмотрите кругом, вон югослав, вон подошел кореец, вон эфиоп, еще кто-то, бог весть кто. Тут все есть, и это дает ощущение нового этноса.

— То есть в отличие от многих из нашей так называемой третьей эмиграции вы легко адаптировались?

— Ну, сказать, что легко... Это, наверное, в Союзе укоренилось такое мнение, потому что я не хнычу. Эмиграция — это процесс мучительный. Первый год особенно мучительный, в какой-то момент все тебя начинает долго раздражать, становится ненавистным, ты делаешь обобщения... Хуже всего, когда начинаешь делать обобщения... Про меня почему-то всегда было принято говорить, что я процветающий. Это в Союзе-то, где я не вылезал из долгов, да и здесь мы живем не по средствам, а только благодаря американской системе кредита. Никаких больших денег я тут не сделал,

¹ Большинство представленных в альманахе произведений было опубликовано в советской печати в 1985—1988 гг.

² Ф. Кузнецов, «ЛГ», 1977 г.: «В нашем обществе созданы максимально благоприятные условия для развития и выявления самых разных человеческих дарований и талантов».

¹ В 1988 году В. Ерофеев и Е. Попов восстановлены в рядах СП СССР.

работаю, вот и все. Денег я, правда, зарабатываю много, но трачу еще больше. Тут нет потолка, получаю я, например, выше среднего, но предела тут нет... Среди людей, которые на самом деле богаты, я не считаю себя обеспеченным. Писатели в Америке редко хорошо зарабатывают, только те, кто пишет бестселлеры.

— Василий Павлович, вы один из самых активных писателей среди русской эмиграции (я не имею в виду написанные, но не изданные в Союзе книги), но новые произведения вы все равно пишете на русском материале — «Бумажный пейзаж», «Скажи, Изюм», т. е. американская культура остается вам чуждой?

— Обо всем этом я написал в книге об Америке «В поисках грустного бэби». Это не роман, это как раз Америка глазами русского писателя-эмигранта.

— Да, об этой книге я слышала от многих выходцев из России, недавно обосновавшихся здесь: «Хотите знать, как мы живем? Читайте Аксенова».

«...Поймать, ощутить, уловить — жалкие попытки выброшенного из своего мира беженца, построить вокруг себя новую жизнь, хоть чуточку напоминающую старую!»

— Да нет, конечно, то, что осталось в Союзе, мне дорого, это моя жизнь. С одной стороны, в страшном сне не приснится то, что со мной было, а с другой... В эти годы было не только плохое, было много замечательного — любовь, вдохновение... 60-е годы, начало молодежной субкультуры, именно тогда это начиналось. У меня сейчас выходит собрание сочинений в Гарборсе, в первую книгу я включил свои ранние вещи: «Коллеги», «Звездный билет», во вторую «Пора, мой друг, пора», «Апельсины из Марокко» и три рассказа. Всего будет шесть томов. На самом деле это только половина из того, что я написал. А вчера закончил новый роман «Желток яйца», на английском написал, можете себе представить? Три года работал, университет много времени забирает.

— Можно сказать, что вы решили стать англоязычным писателем или это всего лишь эксперимент?

— Нет-нет, я не собираюсь переходить на другой язык. Просто в процессе улучшения своего английского я попробовал написать роман. Это сугубо авантюрное, наглое такое предприятие.

— Василий Павлович, в «Юности» сохранилась рукопись вашей повести «Золотая наша железка», отданной в 1973 году в наш журнал, но в силу разных причин так и не вышедшей в свет; как бы вы отнеслись к сегодняшней ее публикации?

— Я бы это только приветствовал. Помню, как многие сотрудники «Юности» хотели ее напечатать, по идее она должна была тогда выйти, но кто-то в последний момент усмотрел в ней страшную угрозу «священным принципам». Сегодня эта вещь с точки зрения политической остроты — ничто. Она вызовет интерес, но не вызовет роковых вопросов века. Это такие стилистические упражнения пера. В чем-то повесть ностальгическая. Мне хотелось написать книгу о своем читателе, сказать «good bye» нашей общей молодости, иллюзиям прошлого десятилетия. Для меня «Железка» — это как клавикорды. Не симфонический оркестр, не медные трубы, а... клавикорды.

Я держу в руках подаренную Василием Павловичем книгу «Золотая наша железка». 1980 г., изд. «Ардис».

«Не забывай, не забывай, не забывай ярко-синего моря и всего, что связано с ним, не забывай ярко-черного рояля и всего, что связано с ним, не забывай ярко-желтой яичницы и всего, что связано с ней, не забывай ярко-красной, леденящей и пьянящей рябины и всего, что связано с ней, не забывай ничего голубого».

Этот призыв памяти адресован нам, как и многие книги, написанные в Советском Союзе, но изданные в различных зарубежных издательствах, вне дома.

Беседа вела Анна ПУГАЧ.

Вашингтон — Москва

Поэзия

Игорь
МУРАТОВ

Дебют в
«ЮНОСТИ»

В городском саду

Орchestra духового вздохи,
Его одышка, хрип грудной
Не соответствуют эпохе,
Рациональной, молодой,
Настырной, джинсовой, летящей,
От крика тянущейся в крик,
Непонимающе глядящей,
Как он — уста в уста — приник,
Румянец дел его сердечных
Ее волчатам незнаком,
Для большинства он как сердечник
С таблеткою под языком,
Ей надо яростней, дешевле,
Не — горячей, а — сгоряча,
Такой, как он, — не по душе ей,
Не по крутым ее плечам!
...Вот на ротонде, на полянке
Играет он в последний раз...
И марш «Прощание славянки» —
Как будто первый трубный глас.

☆☆☆

Коммунальной квартиры непрочный уют,
В коридоре — корзины и санки,
В этой комнате — спят, в этой — пьют и поют,
В этой — строят воздушные замки...
«Я, как вор, на носках за тобою пройду,
Ни одной половицей не скрипну,
Дверь прикрою, дыхание переведу
И услышу далекую скрипку.
Вот и свиделись мы...» На пороге зимы
Покраснело у осени веко,
А глаза ее черные устремлены
На далекого ей человека,
На далекого ей, непонятного ей,
Преступающего все границы:
С каждым днем на душе у него холодней,
А ему захотелось мириться!
Вот идет он по улице, входит он в дом
И в квартиру какую-то входит,
И хотя ничего не находит он в том,
Уверяет себя, что находит.
И музыку отважную слышит и в ней
Видит, словно предназначавшиеся,
И прощенье, и свет небывалых огней
(Где-то сбоку плетется прощанье...)
У любимой его — и не то чтобы грусть,
Так — «Потешится пусть, порезвится,
То, что было, связать попытается пусть
С тем, чему никогда не случиться...»
Он холодную руку подносит к лицу,
От внезапной удачи бледнее.
Как понять ему, умнику, трусу, глупцу,
Что он сделал с собою и с нею!

г Пермь